

Сириус.

Это была их четвертая неделя в школе, и воскресным утром Гермиона проснулась и обнаружила, что Гарри рассказывает по комнате с огромным хмурым лицом, но она не могла прочесть мысли, которые беспокоили его настолько, чтобы он оставался таким, каким был. «Кажется, некоторые мысли не для того, чтобы ими делиться, это как бы хорошо знать, у нас есть хотя бы некоторая конфиденциальность», — подумала она, садясь.

«Хорошо, что такое, Гарри, чего ты так рассказываешь?..» она посмотрела на часы: "Черт возьми, еще только шесть".

— Прости, любовь моя, я не хотел тебя будить, — сказал Гарри, садясь на край кровати.

«Я просто почувствовала, что ты чем-то недоволен, странно, хотя я не знала, о чем ты думаешь, это было немного странно после четырех недель, когда я могла знать каждую твою мысль, — сказала Гермиона, — тем не менее это означает, что мы, по крайней мере, немного уединения».

«Да, я заметил на днях, это действительно странно, и я никогда не упоминал об этом на случай, если вы неправильно поняли», — сказал ей Гарри, слегка улыбаясь.

"Ты должен был сказать мне, почему это было странно?" она хотела знать.

«Ну, Нев спросил меня, где ты, и я не мог чувствовать тебя или слышать твои мысли, поэтому я спросил замок, и он сообщил мне, что ты в женском туалете, я не сказал тебе, если ты думаешь, что я пытаюсь чтобы шпионить за тобой, пока ты ходил за, ну ты знаешь, что я имею в виду, так что я понял, что даже судьба считала, что некоторые вещи должны быть личными, тоже хорошо, представьте, что мне придется смотреть, как все эти девушки делают свое дело, или видеть их в раздевалке, — со смешком ответил Гарри.

«Гарри Поттер, если я поймаю, как ты смотришь на любую девушку, которая не является мной, «делающую свое дело», как ты так деликатно выразился, у тебя будет огромная куча неприятностей», — засмеялась она.

"Так ты хочешь сказать мне, в чем проблема, или ты собираешься свести меня с ума, ходить взад-вперед весь день?" — спросила Гермиона, внезапно став серьезной.

«Рассказать вам поможет, я имею в виду, что вы намного лучше продумываете эти проблемы, чем я, большая проблема заключается в том, как объяснить это вам таким образом, чтобы вы не думали, что вы навечно женаты на сумасшедшем, — ответил Гарри, удивляясь, как десять минут назад у него была только одна огромная проблема, а теперь их две.

— Почему бы тебе сначала не сказать мне, в чем проблема, а потом ты сможешь все объяснить,

если ты понимаешь, что я имею в виду, — предложила Гермиона.

«Да, ладно, проблема в том, что мой крестный в Азкабана. Это волшебная тюрьма, худшее место на земле, и он там за преступление, которого не совершал. Теперь моя проблема в том, что я знаю, кто совершил преступление, и Я знаю, как поймать его, но если я поймаю его сейчас, это сделает поимку Волдеморта еще более сложной задачей, чем сейчас, понимаете, Червехвост, это его имя, ну, согласно пророчеству, которое я когда-то слышал, он должен помочь Волдеморту поймать новое тело, тогда мне будет от чего избавиться». Гарри закончил и посмотрел, не считает ли она его сумасшедшим.

«Поэтому ты должен решить, можешь ли ты оставить своего крестного отца в тюрьме, а этого Хвоста отпустить на свободу, ну, если бы это была я, Гарри, я бы освободила своего крестного отца и беспокоилась о Волдеморте, когда придет время», — сказала она, не задаваясь вопросом, как он знал эти вещи. В конце концов, это был Гарри, и она знала его, знала его мысли, и она знала, что он не лжет, но она также знала, что он никогда не сможет отдохнуть, если оставит невиновного человека в тюрьме и ничем не поможет.

— Ты знаешь, моя жена, что ты действительно величайшая ведьма своего времени, — гордо сказал Гарри, — и я обещаю, что однажды постараюсь тебе все объяснить.

— Мне не нужны объяснения, Гарри, я полностью тебе доверяю, — сказала она ему.

Гарри знал, что она была права, но это изменит положение вещей, он потеряет свое преимущество знать, где и когда Волдеморт сделает свой ход. Тем не менее, он решил последовать ее совету, он уже сражался с Волдемортом раньше и выиграл, что может сделать это снова, особенно теперь, когда он был полностью способен использовать весь свой магический потенциал, количество магии, которое Дамблдор мог только представить.

Гермиона прервала его мысли, она думала, что Гарри думал о том, как он победил Волдеморта в младенчестве, но его мысли были немного нечеткими для нее: «Тогда сколько у нас магии, Гарри?» она спросила.

— Ну, я думаю, мы оба могли бы быть сильнее, чем даже Мерлин, — ответил он, не моргнув глазом.

— В той книге, которую ты мне достал, сказано, что Мерлин почти никогда не пользовался палочкой, иногда он пользовался руками, но большую часть времени он творил свою магию одной лишь мыслью, вот это сила, — сказала Гермиона, наблюдая, как Гарри одевается. .

— Да, точно так же, как ты сделал это в кабинете Дамблдора, или ты забыл об этом, — заметил Гарри.

«Я думала, что это просто случайное волшебство, как когда я была моложе», — сказала она ему.

— Попробуй сейчас, сделай что-нибудь, просто подумав об этом, — предложил Гарри.

Гермиона оглядела комнату, ища, чем бы заняться, затем встала с кровати и подумала о том, как он сам себя создает, а затем замерла в изумлении, поскольку он сделал именно то, что она думала.

«Черт возьми, Гарри, это работает», — воскликнула она с широко раскрытыми глазами.

«Я так и думал, вы бы видели лицо Дамблдора, когда он обнаружил, что плывет, вот что навело меня на мысль, что наша магия не только объединилась, но и, по крайней мере, удвоилась в своей силе», — сказал он, завязывая шнурки на ботинках. , руки по бокам и даже не наклоняясь, чтобы обуться.

— Зато удобно, — сказал он, посмеиваясь, когда одежда Гермионы переместилась к ней с одного из ящиков комода.

— Я думаю, нам следует помалкивать об этом, Гарри, нам придется продолжать использовать наши палочки, — серьезно сказала Гермиона, — это может вызвать некоторые проблемы, если об этом узнают не те люди.

«Ты имеешь в виду Дамблдора и его «он лучше знает отношение», — сказал он, когда она улыбнулась расческе для волос, которая следовала за ней по кругу, расчесывая волосы, когда она сортировала книги для чтения позже в тот же день, верхняя часть ее стопки была книгой, которую Гарри дал ей. До сих пор она прочитала всего несколько страниц, но решила, что им следует узнать все, что можно, о Мерлине и его магии.

— Ты знаешь, что у нашей магии есть еще одно полезное преимущество, — объявил Гарри, входя в душ, — ты знаешь, что никто не получает выговор за использование магии несовершеннолетними, пока у них нет палочки, очевидно, должны быть следовые чары или что-то, что позволяет министерству знать, когда используется палочка, ну, нам не нужна палочка, поэтому нам не нужно беспокоиться о том, что министерство обнаружит нашу магию во время праздников».

Гермиона закатила глаза, полагая, что Гарри подумает об этом, она подняла его туфли и начала распутывать узлы на его шнурках, он явно не сосредоточился на том, что делал, она сделала мысленную пометку указать ему на это. Два часа спустя Гарри и Гермиона стояли возле кабинета Дамблдора, ожидая, когда их вызовут, и им не пришлось долго ждать, прежде чем они услышали, как директор пригласил их войти.

Гарри объяснил, что в очередной раз он знает, где находится преступник, которого на самом деле объявили героем, посмертно наградили медалью Мерлина, а его останки, всего один палец, были должным образом похоронены его матерью.

Гарри рассказал все о Хвосте, живущем в своей анимагической форме крысы, в то время как

Сириус Блэк был заперт в Азкабане по обвинению в преступлении, совершенном злым маленьким предателем Питером Петтигрю. Когда Дамблдор выслушал рассказ Гарри, он послал за своим заместителем Минервой МакГонагалл, и вместе они начали организовывать поимку Петтигрю. Гарри предположил, что у них там есть несколько Визенгамонов, а также Фадж и его офицеры. Далее он объяснил, что не доверяет министру магии, чтобы он не попытался что-то скрыть незаконное заключение своего крестного отца.

МакГонагалл хотела знать, почему это заключение было незаконным, и Гарри сказал ей, что на самом деле суда никогда не было. Сириусу было отказано в этой привилегии в течение долгих десяти лет. МакГонагалл была поражена, узнав, что это была правда и что Дамблдор как глава Визенгамона знал об этом все. В тот день ее вера в директора еще раз упала, как и тогда, когда Поппи Помфри рассказала ей о возвращении Гарри и его потребности в зелье навестывания упущенного.

Дамблдор согласился с Гарри по поводу выдумки, но у него были другие причины: он был уверен, что Фадж был в союзе с Волдемортом, но никогда не мог этого доказать. Они послали за несколькими старшими волшебниками, которым, как знал Дамблдор, можно было доверять, а также к нескольким членам Ордена Феникса. Их вместе с несколькими школьными профессорами должно быть достаточно, чтобы Фадж объявил о немедленном освобождении Сириуса и о его невиновности. все.

На следующее утро Дамблдор сидел за своим столом, когда Рональд Уизли вошел в офис. Ему сказали взять с собой своего питомца для регистрации — нового правила, которому должны подвергаться все домашние животные. Стоя напротив директора, Рон Уизли нервничал, он никогда раньше не был в этом офисе, и, по словам его братьев, ученики оказывались здесь только тогда, когда у них были проблемы.

«Ах, мистер Уизли, это не займет много времени, нам просто нужно несколько деталей, пожалуйста, не могли бы вы положить своего питомца в коробку позади себя, пожалуйста», — сказал Дамблдор нервному мальчику.

Рон сделал в точности, как его попросили, и поместил свою любимую крысу Коросту в указанную коробку, не зная, что через несколько минут он возненавидит крысу, которая когда-то была любимцем Перси. Оказавшись в ящике, Петтигрю не было спасения, он не мог дисаппарировать в стенах замка и не мог выбраться из ящика, не обнаружив себя.

Дамблдор приказал Рону встать в задней части своего кабинета, когда вошла группа людей, включая его собственного отца. Гарри Поттер провел группу внутрь и сел напротив директора.

Дамблдор смотрел на собравшихся и надеялся, что они здесь не гоняются за дикими гусями. Рон недоумевал, почему для регистрации одного питомца в школе требуется столько людей; конечно, у министерства были дела поважнее. Он посмотрел на своего отца, который выглядел очень серьезным, это заняло некоторое время, но Рон в конце концов понял, что здесь происходит нечто большее, чем просто регистрация питомца.

Министр Фадж вошел в комнату вместе с двумя аврорами, расположившимися у двери; Фадж, казалось, был шокирован тем фактом, что его ждало так много людей. Как только министр прибыл, Дамблдор с палочкой в руке подошел к коробке, посмотрел вниз на крысу, слегка улыбнулся, прежде чем произнести заклинание, которое отменяет действие анимагического заклинания. В дверь постучали, и Ремус Люпин вошел как раз в тот момент, когда Петтигрю появился прямо перед его глазами. Петтигрю на секунду задержал взгляд на Ремусе, прежде чем начал пресмыкаться, заявляя, что все это время прятался от Пожирателей Смерти. Гарри, однако, встал, и когда Дамблдор наложил на Петтигрю обездвиживающее заклинание, Гарри достал из кармана маленький пузырек и протянул его Ремусу. — Вы должны иметь удовольствие сделать это, сэр.

Ремус вопросительно посмотрел на Гарри; было очевидно, что он понятия не имел, зачем его позвали сюда.

— Веритасерум и несколько вопросов к Червехвосту, — удивил Ремуса Гарри.

Через десять минут Питер Петтигрю ответил на все вопросы из списка, который Гарри составил с помощью Гермионы. Старшие волшебники Визенгамона потребовали, чтобы один из авроров немедленно ушел, чтобы способствовать освобождению Сириуса Блэка, министр перед лицом стольких свидетелей не смог отказать и приказал немедленно освободить Блэка.

«Министр останется здесь, чтобы написать извинения мистеру Блэку и санкционировать компенсацию за незаконное заключение моего крестного отца, вы приведете его сюда, в этот кабинет, мы ждем вас через четыре часа», — сказал Гарри аврору, который собирался Покинуть,

Голос Гарри звучал настолько властно, что аврор, не задумываясь, ответил: «Да, сэр», а затем ушел делать то, что ему сказали.

«Сэр, у нас есть пергамент и чернила для министра, я уверен, что он будет счастлив, чтобы правосудие восторжествовало, в конце концов, это могло бы нанести серьезный ущерб его положению, если бы стало известно, что он попустительствовал тюремному заключению невиновных людей без суд или любое правосудие, — спросил Гарри Дамблдора, который действительно наслаждался тем, как Гарри использует ситуацию, он знал, что Гарри не оставит Фаджу ни одной возможности выбраться из этого узкого угла.

Дамблдор был абсолютно уверен, что миссис Поттер дала бы Гарри все, что ему нужно, чтобы победить в этом. Ему просто хотелось увидеть, как Фадж еще немного извивается. Вскоре его желание исполнилось; Фадж написал короткую записку о том, что министерство готово помиловать мистера Сириуса Блэка, а затем передал ее Гарри. Гарри прочитал пергамент, затем разорвал его и выбросил в мусорное ведро.

«Служитель напишет письмо с извинениями мистеру Сириусу Блэку за незаконное заключение невиновного человека или попросит министра привести репортеров, которых я жду. Я думаю, что мисс Скитер должна быть первой, не так ли? — сказал Гарри, глядя на

Ремуса.

Ремус, который все еще был в шоке, просто кивнул.

Гарри наклонился над министром и прошептал ему на ухо: «Я могу представить достаточно доказательств, чтобы доказать вашу вину в этом. Достаточно, чтобы вы потеряли работу, так что напишите надлежащее извинение или что-то еще».

Когда Фадж побледнел еще больше, чем был раньше, Гарри улыбнулся. «Любимая Гермиона, ты действительно великолепна», — подумал он. Откуда она узнала, что ему было все равно, но предполагаемая угроза, казалось, сработала, поскольку Фадж написал полное письмо с извинениями и подписал его, двое волшебников Визенгамона были свидетелями этого, и Дамблдор также добавил свою подпись.

Пока они ждали прибытия Сириуса из Азкабана. Гарри сел и поговорил с Ремусом. Он использовал историю с картой мародеров, чтобы объяснить, откуда он узнал, что Петтигрю жив и здоров. Он рассказал Ремусу о своей женитьбе на Гермионе и пообещал познакомить их, как только сможет. Гарри довольно долго говорил о Гермионе и о том, какая она блестящая.

Рон Уизли был полностью забыт, пока его громкий храп не начал наполнять комнату, Дамблдор встряхнул его, а затем отправил в его спальню со строгими инструкциями никому не рассказывать о том, что произошло, Рон, питомец которого оказался массовым убийцей, не имел намерение рассказать кому-либо что-либо.

Прошло четыре с четвертью часа с тех пор, как аврор ушел, Гарри знал, что требуется около четырех часов, чтобы освободить кого-то в спешке, ему приходилось делать это раньше, так что теперь он немного беспокоился о том, что, может быть, Аврор не сделал того, что ему сказали. Он только встал, чтобы начать ходить, как раздался стук в дверь. Вошел аврор с довольно растерянным и оборванным Сириусом.

И Гарри, и Ремус бросились вперед и попытались обнять грязного мерзавца, стоящего в дверном проеме. Дамблдор пригласил Сириуса и все ему объяснил, рассказал, как Гарри открыл Петтигрю и до всего остального додумался с помощью жены.

— Подожди минутку, ты только что сказал, что у Гарри, моего крестника Гарри есть жена? Сириус, наконец, прохрипел свои первые слова.

«Да, хорошо, я оставляю это Гарри, чтобы он рассказал вам обо всем», — сказал Дамблдор, когда Фадж вручил Сириусу письмо с извинениями и сказал ему, что он должен связаться с министерством при первой же возможности, чтобы получить свою компенсацию. Затем Фадж выбежал с двумя своими аврорами и Петтигрю на буксире.

Он не ушел далеко, внизу лестницы его ждала Гермиона Поттер с большой группой репортеров. Гарри остался, а Сириус Ремус и остальные вышли из комнаты и направились в

коридор. Гарри спросил директора, может ли он пригласить Ремуса и Сириуса к себе на остаток дня. Дамблдор согласился и поблагодарил Гарри за справедливость.

Гарри присоединился к Сириусу, когда Фадж попытался прорваться мимо репортеров, забрав у Сириуса письмо. Гарри помахал им перед репортерами: «У меня здесь письмо с извинениями за незаконное заключение моего крестного отца в тюрьму министерством», — он показал письмо. Письмо несколькими репортерам, прежде чем он забрал его и вернул Сириусу, который был только рад, что его сфотографировали, когда он размахивал пергаментом на всеобщее обозрение.

Гарри и Ремус присоединились к Гермионе, ожидая, пока Сириус закончит с репортерами. Фадж, без сомнения, будет во всех утренних газетах показан злодеем в истории о несправедливости в министерстве. Гарри наслаждался тем, как мужчина извивался, почти так же, как и Дамблдор.

Сириус присоединился к ним через несколько минут, все репортеры последовали за Фаджем, когда он убегал из здания.

"Гермиона любит, у нас будут гости на обед и, возможно, на ужин, это нормально?" — спросил Гарри.

Будучи представленным Гермионе, Ремус и довольно грязный и вонючий Сириус приняли их приглашение остаться. Сириус хотел принять свой первый настоящий душ, ванну и умыться одновременно, потому что, как он сказал, «в Азкабанае нет таких удобств».

Все они направились в башню Гриффиндора и в покои Поттеров. Сириус никак не мог смириться с тем, что теперь у него есть не только крестник, но и крестница, как он называл Гермиону.

<http://tl.rulate.ru/book/78020/2345914>